

9. Круглова Л. К. ПРОЕКТ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ: PRO ET CONTRA // Семиозис и культура: интеллектуальные практики : монография. Сыктывкар, 2013. Гл. 2. С. 56–63.

10. Круглова Л. К. Культурология в технических вузах: статус и престиж, теория и практика // Мир культуры и культурология : альманах науч.-образоват. культуролог. общества России. СПб., 2013. Вып. 3. С. 288–292.

Г. Л. Тульчинский

Справедливость и справедливости: типы справедливости, власти и соответствующих конфликтов

УДК 17.2

Работа опирается на ряд разработок автора, А. Кожева, Л. Болтански и Л. Тевено. Справедливость предстает конкретной гармонизацией представлений конкретных социальных групп конкретного общества — в зависимости от особенностей исторического развития и расстановки сил в данном социуме. Выявление такой диспозиции и выступает главной задачей политического анализа справедливости.

Ключевые слова: *Нормы, политическая наука, справедливость, ценности, этос.*

G. L. Tulchinskii. Justice and Justices: Types of Justice, Power and Relevant Conflicts

The paper is based on a number of works by the author, A. Kozhev, L. Boltanski and L. Teveno. Justice presents specific idea for harmonization of the specific interests of concrete social groups of the concrete socium — depending on the characteristics of historical development and the balance of power in this socium. Identification of such a disposition is the main task of political analysis of justice.

Keywords: *Ethos, justice, norms, political science, values.*

Симптомы парадигмального кризиса «нормальной» политической науки

Современная политическая наука, как, впрочем, и все общественное, сталкивается с серьезным вызовом. Этот вызов проявляется как во внутренних (интерналистских), концептуальных проблемах самой науки, так и во внешних (экстерналистских), социальных аспектах ее позиционирования.

Подтверждением парадигмального кризиса может служить акцентированное внимание, уделяемое неоинституционализму, сформировавшемуся в рамках экономической истории, согласно которому развитие цивилизации происходило внутри обществ с ограниченным доступом к ресурсам, а возникновение и развитие социума неограниченного доступа (либеральной демократии) является историческим «вывихом», результатом специфически сложившихся обстоятельств [19] — типичный вывод в духе *ad hoc* (*ad hoc* — лат. — применительно к случаю), когда некие факты не укладываются в пазл, сложившийся в данной парадигмальной теоретической рамке.

Более того, развитие нормативной политологии, прошедшее традиционный путь любого научного знания (от простой фиксации и описания предмета к все более глубокой рефлексии метода, а затем — самого политического дискурса и философских оснований), привело к пониманию роли и значения лингвистического анализа и философии, обнаружив зависимость политической реальности от дискурсивных практик, методов классификации, герменевтики понимания и так далее [3; 4; 15; 16]. Тем самым была убедительно и наглядно продемонстрирована зависимость политической теории от существенно более широкого дисциплинарного контекста.

Еще в 1977 году Йоханом Гальтунгом была удачно прослежена взаимосвязь теории и практики в социальных науках [37]. Гальтунг выделял три аспекта научной деятельности: эмпиризм (сбор данных, их систематизация, осмысление), критицизм (герменевтика и деконструкция результатов осмысления) и конструктивизм (технологии, практики). Именно их взаимодействие и взаимопереход обеспечивают развитие науки, что позволяет не только описывать явления и процессы, но и создавать предпосылки для корректировки

и улучшения социальной реальности. С этой точки зрения в современной политической науке слабость среднего звена приводит к разрыву между эмпирическими данными и конструктивной практикой.

Неспроста политическая теория так отстает от процессов и ситуаций в реальной политической жизни. Особенно явен этот разрыв между теоретическим мейнстримом и реальной политической практикой в странах, переживающих смену уклада, например, трансформации социализма в капитализм. Использование количественных методов, прикладной эконометрики только усугубляет ситуацию. Точность, достигаемая в отдельных исследованиях, дает фрагментарную картину, превращаясь в самоцель в ущерб целостному обобщению. Появление все новых и новых «рецензируемых» журналов закрепляет складывающуюся ситуацию фрагментарности — публикации в них становятся демонстрацией амбиций и клановости редакций, формируя полужакрытые самодостаточные и воспроизводящиеся сообщества, принадлежность к которым определяется используемой терминологией и кругом цитируемых источников.

Очевидны и другие симптомы кризиса. Это не только ярко описанная Йеном Шапиро несостоятельность политологической прогностики [34]. Политическая теория не только накапливает описание отдельных случаев — она с очевидностью полностью зависит от текущих событий, практик, технологий, пытаясь осмыслить их в своих «теоретических рамках», другими словами, осуществляя ретроспективные рационализации. Как итог — запаздывание и сервильность, превращающие политическую науку в лучшем случае в просветительскую, но скорее в пропагандистскую деятельность.

Отсюда и слабая востребованность традиционной политической аналитики, доходящая до фольклорно-иронического отношения к политологам как медийным персонажам в духе «пикейных жилетов» из известного романа Ильфа и Петрова. В политической же аналитике, востребованной центрами принятия решений (властные структуры, спецслужбы), это недоверие к традиционной политической теории компенсируется обращением к нестандартным методам анализа. Например, в США все больше внимания уделяется исследованиям по биополитике, довербальным методам манипули-

рования общественным сознанием, дающим не просто теоретическое, а конкретное технологическое знание.

Серьезные кризисные симптомы отмечаются и в самой маргиналистской экономической теории, доминировавшей после I Мировой войны (на волне ее доминирования и сформировалась «нормальная» политическая наука). Экономическая теория демонстрирует все больший отход от самодостаточности. Работы Рональда Коуза [11], Дугласа Норта и других неoinституционалистов выявили системную зависимость экономики от социально-культурных и правовых факторов. Сами экономисты проявляют все больший интерес к исследованиям Рональда Инглхарта, Герта Хофстеде, Ричарда Льюиса, Фрэнсиса Фукуямы, Лоуренса Харрисона, Самюэля Хантингтона и других авторов проекта «Культура имеет значение» [17; 31; 32; 38], в которых четко прослеживается зависимость экономического развития от культурных и политических факторов. Наметился даже возврат к осмыслению идей исторической школы экономических исследований Густова фон Шмоллера — одного из первых принципиальных критиков маржинализма. Сама экономика начинает рассматриваться как феномен культуры (экономика как культура) [1; 39]. В этой ситуации тем более ограниченными и даже опасными становятся последствия доминирования экономического подхода, например, при распространении норм и критериев развития рыночных отношений на образование и науку. Не менее очевидно это и в практике социального управления — ярким примером тому являются последние российские реформы в области науки и образования. Показательна обратная ситуация в англоязычных и русскоязычных публикациях в сфере политико-экономических исследований. Данные в *Web of Knowledge* и в *Library* за последние годы показывают, что если на Западе наблюдается рост исследований по политической культуре по сравнению с экономической культурой, то в России ситуация носит обратный характер. [1, с. 67–68] Такая динамика является наглядным подтверждением запаздывающего эпитонства отечественной экономической социологии и вторичной от нее политологии.

Необходимость расширения горизонта рассмотрения

Динамика развития и смены парадигм научного знания была довольно полно описана на материале естественных наук и математики [13; 14; 22; 30; 33]. Согласно известной концепции Томаса Куна, доминирование конкретной парадигмы науки ведет к формированию «нормальной» науки, когда научное исследование сводится к выстраиванию все более детальных описаний в рамках данной парадигмы. По мере выявления фактов, плохо вписывающихся в нормативный парадигмальный канон, фиксируются «патологии», формулируются специальные исключения — *ad hoc*, а накопление критической массы таких *ad hoc* в теории рано или поздно ведет к кризису парадигмы и выходу к новым горизонтам рассмотрения.

Именно в такой ситуации, как представляется, и находится сложившаяся довольно респектабельная политическая наука, сформировавшаяся на основе экономического маржинализма и связанной с ним экономической социологии. И испытываемый ею вызов достаточно серьезен. А его игнорирование порождает довольно парадоксальную, если не трагикомическую, ситуацию, например, в объяснениях и анализе современных российских трансформаций. Тема «современное политическое знание и Россия» вообще весьма неоднозначна и даже провокационна. В этой провокативной неоднозначности стоит отметить два момента.

Во-первых, звучавшие последнее время респектабельные концепции, такие как «демократический трансфер», «гибридные режимы», «постколониализм», не справляются с квалификацией и объяснением событий в российской политической жизни последних лет, а значит, сталкиваются и с проблемой их прогностики.

Более того, сама динамика трансформации даже противоречит некоторым ключевым положениям этих концепций. Так, вопреки добротной и респектабельной теории человеческого развития Рональда Инглхарта (выработанной на основе почти сорокалетнего тщательного отслеживания динамики общественных ценностей в более чем 80 странах в рамках международной исследовательской программы *World Value Survey*), российское общество с начала нынешнего столетия все более явно движется в направлении доминирования ценностей выживания и традиционализма, а не ценностей

свободной самореализации [7]. При этом наблюдается также возврат некоторых институтов советского времени (доминирование государства в экономике, роль спецслужб, государственный контроль над медийной сферой), что позволяет говорить об «институциональной колее», возрождении «российской политической системы» и так далее. И если в 1970–1990-х динамика ценностного развития в СССР соответствовала цивилизационному мейнстриму, то сейчас движется вспять.

В результате, с одной стороны, в объяснениях современных российских трансформаций, с точки зрения «нормальной» политической науки, Россия представляет собой «заповедник патологий», при этом, с другой стороны, именно проблемы с адекватным ответом на концептуальный вызов порождают спекуляции относительно «особого российского пути», российской «цивилизационной альтернативы».

Это, в свою очередь, позволяет констатировать отсутствие в России полноценной политической науки, которую подменяют общие суждения и обзоры. И российским политологам следует учиться прежде всего у американских коллег, практикующих позитивные, эмпирические и сравнительные исследования [6, с. 7]. Означает ли это, что освоение респектабельных методов и концепций излечит российское общество от политических «патологий»? Владимир Гельман делает вывод, что «политическая наука в России имеет шанс стать «нормальной наукой», но лишь в условиях, если российская политика не утратит основные атрибуты политики в «нормальной стране». Иначе говоря, получается, что российская политическая наука станет нормальной только тогда, когда сама политическая реальность в России станет соответствовать канонам «нормальной» политической теории. Вывод в чем-то трогательный, но он вполне соответствует исходной авторской установке.

В данной работе предпринимается попытка наметить некоторые перспективы выхода политической теории из кризисной ситуации, расширения горизонта анализа и языка осмысления. Расширение исторического лага осмысления общественно-политической динамики, показывающее исторические рамки возможностей маржиналистского подхода, предпринято ранее в ряде других работ

[26]. Здесь же речь пойдет о концептуальных возможностях расширения горизонта анализа. Причем такого расширения, которое позволило бы не отбрасывать наработки в рамках маргиналистских концепций, а включить их в более широкий контекст, определив их возможности и пределы.

Такое расширение горизонта рассмотрения представляется полезным начинать с проблемы справедливости.

Справедливость: значение и виды

Дело в том, что справедливость, наряду с безопасностью и отчасти свободой, одна из базовых ценностей социогенеза. Более того, она занимает в ценностном векторе динамики развития общества ключевую роль, поскольку связана с выработкой норм (институциональных правил) — как формальных (правовых), так и неформальных, формирующих конкретный социально-политический уклад конкретного социума.

Именно стремление к менее опасному обеспечению питания, продолжению рода и другим жизненным ресурсам, лежит в основе образования обществ, групп самого различного уровня. Поэтому к базовым ценностям социогенеза прежде всего относится **безопасность**, позволяющая преодолеть угрозы физическому существованию, прочие страхи и неопределенности довольно широкого плана. Учет этого обстоятельства широко используется в политической практике обеспечения внешней и внутренней безопасности (военной, экономической, информационной, пищевой и т.д.), что является очевидной и главной функцией государства. Хорошо известны и практики манипулирования, формирования образа внешнего или также внутреннего врага, некоей опасности, перед лицом которой обществу следует сплотиться вокруг мудрого руководства. Подобное манипулирование, а то и хорроризация общества давно и успешно освоены политическими элитами. Не случайно именно идея безопасности, противостояния врагу даже иногда кладется в основу понятия «политического» [18; 35].

При этом в любом социуме — в любой форме и на любом уровне — с самого момента его возникновения с неизбежностью возникают проблемы признания, оценки, предпочтения, доминиро-

вания и подавления, а также связанные с ними конфликты, переживания обид, зависти и рессентимента [34]. Разрешение этих проблем так или иначе связано с реализацией другой базовой ценности социогенеза — *справедливости*. Именно реализация этой ценности порождает социальные нормы, социальный контроль и другие механизмы социализации личности: от морали и права до социально-культурных эмоций чести, гордости, стыда, смеха...

Однако сами эти представления и институты могут рассматриваться некоторыми представителями общества как несправедливые. Тем самым возникает импульс к пересмотру, динамике норм и правил. Поэтому важно отметить, что справедливость реализуется по двум направлениям. Первый вектор справедливости связан с формированием неких правил, запретов, норм, которые, собственно, и обеспечивают социализацию в рамках данного социума. Вторым связан с возможностями динамики этих институтов, вызываемых творчеством, самореализацией, инициативой отдельных активных индивидов, а то и целых социальных групп, слоев, классов.

В традиционных обществах, т.е. обществах, основанных исключительно на воспроизведении норм и традиций, доминирует первый вектор. Носители творческих инициатив рассматриваются в таком обществе как нежелательные девианты, по отношению к которым применяются различные санкции вплоть до наказаний, изгнания, а то и казни.

Традиционному обществу для реализации консолидации и социализации достаточно обеспечения безопасности и справедливости. Однако, если общество оказывается заинтересованным в развитии и творчестве, делая ставку на второй вектор справедливости, в нем формируется еще одна базовая ценность — *свобода*, связанная с возможностями самореализации, индивидуальной ответственности.

Таким образом, в общем случае ценностную ось социогенеза задают безопасность, справедливость и свобода.

Причем центральное место на этой оси занимает именно справедливость с ее возможностями акцентировки реализации как в направлении безопасности, так и свободы. Например, в случае кризиса, катастрофы, любой другой опасности, представления о справед-

ливости резко смещаются в сторону безопасности, зачастую в ущерб личностным правам. Однако по мере политической, экономической стабилизации на первый план начинают выходить права личности, их гарантии, условия самореализации и т.п.

Такие представления убедительно подтверждаются результатами упомянутого многолетнего международного исследования World Values Survey [7]. Согласно этим результатам, индустриализация обеспечивает переход общества от традиционных ценностей жесткой этническо-конфессиональной солидарности (свойственных аграрным обществам) к ценностям секулярно-рациональным (свойственным обществам индустриальным). Следующий переход — от «материальных» ценностей физического выживания («жадности и подозрительности») к «постматериальным» ценностям общества постиндустриального (открытости, толерантности, демократичности,...).

Роль справедливости, однако, связана с еще одним важнейшим обстоятельством: эта ценность выступает в качестве импульса формирования социальных институтов, как неформальных, так и особенно формальных.

Социогенез предполагает не только ценностные интенции, установки, но и реализующие их институты — неформальные и формальные. К неформальным относятся обычаи, традиции, собственно и образующие институциональную основу (background) — культуру данного общества, ее нравственное содержание и специфику. Формализованные представления о справедливости выражаются в праве, а наиболее развитой и зрелой формой таких институтов является государство.

Неформальные институты могут дозревать до формальных институционализаций — организационных форм юридического лица, государственных органов, обеспечивающих реализацию соответствующих норм [27; 29], а могут и надолго сохраняться на неформальном уровне.

Культура обеспечивает идентичность, самосознание «мы» преимущественно эмоционального. Политическая власть, государство — идентичность «мы» гражданского, преимущественно рационального. Именно синтез этих двух идентичностей и обеспечивает со-

циальную солидарность. И если эта солидарность предполагает доверие, то неформальные институты этнической идентичности обеспечивают доверие «спланивающее» [5; 20], личностное, возникающее между людьми, общность с которыми определяется происхождением и этнической идентичностью. Но для относительно развитого общества, а особенно состоящего из представителей разных этносов, конфессий, доверия спланивающего недостаточно — необходимо доверие институциональное, «наводящее мосты» [5; 20] между разными группами и слоями общества. Это доверие и формируют формальные институты, прежде всего правовая культура, задающая нормативную рамку отношений и взаимодействий различных групп и слоев данного государства. Если неформальные институты задают культурно-этническую идентичность, то неформальные — гражданскую, которая и обеспечивает консолидацию нации в ее гражданско-государственном понимании.

В этой связи можно говорить, что социогенез осуществляется в пространстве пересечения ценностной и институциональной осей, реализуя конкретный специфический баланс соответствующих векторов, обеспечивающий существование и развитие данного социума. В плане возможностей модернизации и инновационного развития это выражается в тенденции к традиционализму (выражающемуся в тренде к культурной идентичности, безопасности и государственности) или прогрессизму (выражающемуся в тренде к свободе и правовому обеспечению творчества, инициативы). Эта модель представлена на рис. 1.

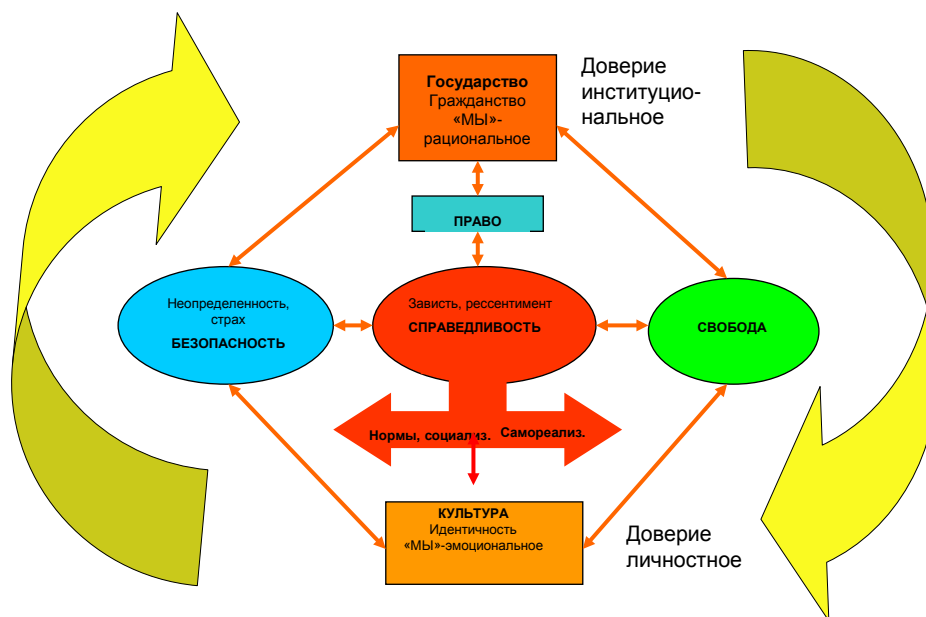

Рис.1. Роль формальных и неформальных институтов в консолидации общества

Ценностно-нормативная модель социогенеза, основанная на выделении ценностной оси (безопасность–справедливость–свобода) и оси институционализации справедливости, позволяет фиксировать особенности культурного профиля общества, его деформации, акцентировку политических идеологий. Предложенная модель может использоваться для построения «профиля» конкретного общества, его политической культуры — в зависимости от степени выраженности и акцентировки ценностных и нормативных параметров [23; 24; 25; 28].

Модель, кстати, объясняет т.н. «парадокс России», отмеченный в исследовании World Values Survey как «откат» за годы новейших реформ к ценностям выживания. Речь идет скорее не о ценностном «откате», а о разрушении институциональной среды, приведшем к этническо-клановой раздробленности, корпоративизации общества. Иначе говоря, речь идет о движении не только по ценностной оси, а скорее по оси нормативно-институциональной.

Главное — фундаментальная, ключевая роль справедливости, выступающей динамичной «точкой сборки» ценностно-нормативного комплекса конкретного социума. «Справедливая» действенность «справедливо» выработанных норм обеспечивает

доверие как между людьми, так и к социально-политическим институтам, а значит, гарантирует легитимность власти.

Однако существует ли универсальная, единая трактовка (теория) справедливости?

Показательны в этом плане прошедшие в начале августа 2014 г. переговоры президентов Азербайджана и Армении. Они были инициированы Президентом РФ с целью выработки возможностей примирения сторон, находящихся в затяжном конфликте с середины 1980-х годов. Каждая из сторон говорила о справедливости. Президент РФ — о необходимости мирного решения проблемы Карабаха. Президент Азербайджана — о решении проблемы на основе соблюдения четырех резолюций ООН. Президент Армении — о решении проблемы на основе исторической справедливости и сложившейся ситуации. Похоже, стороны говорили о разной справедливости. Легко представить аналогичную ситуацию в перспективе российско-украинского урегулирования вопроса о Крыме. Да и спор Японии с Россией относительно четырех островов Курильской гряды стоит в том же ряду. Каждая из сторон апеллирует к представлениям о справедливости. Но эти их представления расходятся радикально.

И это только на международном уровне. А какие конфликты разгораются в связи с различными представлениями о справедливости у различных групп населения: этнических, возрастных, классовых, групп влияния и т.д.!

Со времен Аристотеля сложились две основные трактовки справедливости:

- уравнительная: равенство всех членов социума перед некоторыми предустановленными условиями, прежде всего перед законом;

- распределительная: распределение различных благ в соответствии с заслугами, ролью и значением участников распределения перед конкретным социумом.

Уравнительная трактовка справедливости традиционно доминировала в либеральной политической философии, теории и практике. Распределительная — в социалистической, социал-демократической и — наиболее явно — в коммунистической.

В 1960-х годах Д. Ролзом была предпринята попытка тщательной проработки уравнительной теории справедливости. Его «Теория справедливости» [21] считается каноническим текстом современного либерализма. Фактически речь идет о модели расчета справедливого распределения ресурсов. Однако детальная проработка исходных правил, а также уточнение концепции в ответ на критику со стороны коммунитаризма, феминизма и других точек зрения [8; 9] в итоге существенно сблизила концепцию Д. Ролза с распределительным пониманием справедливости, фактически придав ей очевидное коммунитаристское и даже социал-демократическое содержание.

Поэтому, как представляется, современный политологический анализ, в котором до сих пор доминирует «нормальная» (в куновском смысле) политическая теория, восходящая к экономическому маржинализму, свои возможности в анализе справедливости исчерпал. Решение проблемы требует выработки несколько более широкого основания, которое позволит вывести проблему на более широкий горизонт, не отрицая сделанные важные наработки.

В этой связи достаточно перспективным выглядит подход, предложенный Л. Болтански и Л. Тевено еще в 1980-х [3]. Речь идет о концепции градов (социальных миров), в которых вырабатываются специфические нормы, важные для социальной консолидации, а также представления об оценке достоинств (заслуг, уважения, признания, авторитетности). Иначе говоря, особая привлекательность этого подхода связана в снятии противостояния распределительной и уравнительной трактовок справедливости, рассмотрении их как дополняющих и предполагающих друг друга в системном единстве. Однако единство это может быть различным по его сущности (качеству).

Сами Л. Болтански и Л. Тевено выделяют несколько качественно специфических социальных миров (градов):

- мир вдохновения (le monde de l'inspiration);
- патриархальный мир (le monde domestique);
- мир репутации (le monde de l'opinion);
- гражданский мир (le monde critique);
- рыночный мир (le monde marchand);

- научно-технический мир (le monde industriel).

Термин «мир» выглядит более привычным, хотя определенный смысловой потенциал имеется и в термине «град» — он быстрее выводит в политический контекст, в проблему гражданства. Практически во всех европейских городах слово «гражданин» восходит к «горожанин»: буржуа, бюргер, мещанин...

Каждый такой мир (град) имеет различные представления о справедливости. Эти различия Л. Болтански и Л. Тевено связывают с параметрами соответствующего этоса:

- признания великим, высшим (etat de grand);
- высший общий принцип;
- великое (высшее);
- достоинство;
- субъекты;
- объекты;
- формула инвестиции;
- протокол о величии;
- естественные отношения;
- формы гармонии;
- испытания;
- суждение;
- очевидность;
- падение.

Конкретизацию характеристик каждого из этих параметров по каждому этосу можно ради наглядности представить в виде таблицы (табл.1):

Таблица 1

Характеристика параметров справедливости для каждого социального мира (града)

<i>Миры / параметры</i>	<i>Мир вдохновения</i>	<i>Патриархальный мир</i>	<i>Мир репутации</i>	<i>Гражданский мир</i>	<i>Рыночный мир</i>	<i>Научно-технический мир</i>
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>
Высший общий принцип	вдохновение (духовное)	род, иерархия, традиция	мнение других, публика	коллектив, все, общая воля	конкуренция, соревнование	эффективность, результативность, будущее
Великое (высшее)	странное, необычное, чудесное, невыразимое, спонтанное, волнующее, страстное, бессознательное	благожелательность, воспитанность, сдержанность, преданность, откровенность, умение хранить секреты	известность, прославленность, видность, заметность, успешность	нормативный, законный, уставной, уполномоченный	желаемый, пользующийся спросом, цена, продаваемость, прибыль	эффективный, надежный, функциональный
Достоинство	творческое волнение: любовь, страсть, творчество	непринужденность, здравый смысл, привычка, обыченность	стремление к признанию, уважению	гражданские права, участие	интерес, спрос, любовь к вещам	работа, сила, энергия
Субъекты	дух, чудовище, волшебство, ребенок, женщина, безумец, артист,	высшие стоящие (отец, король, шеф, семья), простые (я, холостяк,	знаменитости, лидеры, их поклонники, представители,	органы управления, представительства, членство в партиях,	производитель, клиенты, конкуренты	эксперты, специалисты

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7
	художник	ребенок, домашние животные, подчиненные), другие (окружение, соседи, третьи лица, иностранцы)	журналисты	общественных организациях		
Объекты	дух, тело, грезы, сон наяву	статус, титул, приличия, манеры, подарки, знаки отличия	имена, марки, реклама, PR, медиа	права, законы, суды, заявления, нарушения прав, программы, лозунги	богатство, роскошь	цели, средства, методы, задачи, планы, программы, причины
Формула инвестиции	сомнение, бегство от привычек	самоотречение, долг, обязанности	открытость, отказ от секретности	отказ от частного, солидарность, борьба	свобода, открытость, динамичность	прогресс, развитие
Протокол о величии	универсальная ценность уникального: гений, независимость	уважение и ответственность, авторитет, честь, стыд, позор	известность и узнаваемость, признание	делегирование, вступление представительство	обладание, собственность	владеть знанием, умением
Естественные отношения	творить, открывать, мечтать, воображать	порождать, воспитывать, приглашать, получать, благодарить, уважать	влиять, убеждать, привлекать, продвигать, говорить, запускать	сплотить, мобилизовать, присоединиться, призвать, обсудить, уполномочить, обратиться в суд	интересовать, покупать, продавать, торговаться, соперничать, договариваться,	реализовывать, выявлять, учитывать, определять, измерять, решать, использовать,

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7
					извлекать выгоду	предвидеть, внедрять, оптимизировать
Формы гармонии	вымысел, фантазия	дом, семья, обычаи, приличия	публичный имидж, целевая аудитория, позиционирование	республика, демократия, представительские институты	рынок	организация, система
Испытания	искания, духовный поиск, переживаемый опыт, приключения	награждение, назначение, праздники (рождение, свадьба), кончина	специальные события, церемонии, презентации	выступления ради справедливого дела, собрание, демонстрация, спор, судебное разбирательство	сделки	проверка, тест, внедрение, реализация
Суждение	озарение, аура, случай, удача, шедевр, переворот представлений	доверять, ценить, упрекать, докладывать, информировать	слухи, мода, рейтинги, резонанс, отклик	голосование, выборы, мобилизация	цена, стоимость	правильный, эффективный, действующий
Очевидность	интуиция, символы, мифы, аналогия, образы, знаки	типичная история, пример	известность, очевидность успеха	текст закона, юридические нормы, устав, положение	деньги, прибыль, результат	измерение

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7
Паде- ние	привычка, по-вторы, приземленность, доминирование внешних факторов	небрежность, ошибки, нескромность, за-вистливость, из-мена	непри-знан-ность, баналь-ность, испор-ченая репута-ция, по-мерк-нувшая слава, забы-тость	разобще-ние, ос-таться в меньшин-стве, ин-дивидуа-лизм, не-закон-ность, лишение полномо-чий	невос-требо-ванность, прекло-нение перед деньгами	отноше-ние к людям как ве-щам

Данная систематизация уязвима для критики. Несомненно, возможны уточнения конкретизаций (операционализаций) параметров представлений о справедливости. Кроме того, бросается в глаза, что религия и искусство оказались в одном кластере, где главным критерием оказались вдохновение и фантазия. При этом научный этос сведен к индустриальной прагматике, что связано либо с отождествлением рациональности и эффективности, либо также с признанием полной ориентации современной науки не столько на бескорыстные поиски истины, сколько на решение практических проблем производства, политики, управления. Но при этом улавливается главное — существенные различия различных этосов со своими ценностно-нормативными установками, критериями оценки, признания успешности. Каждый из таких этосов связан со сформировавшимися в современной цивилизации кластерами деятельности, а те, в свою очередь, с рынками труда.

«Грады» Болтански–Тевено и типы власти А. Кожева

Бросается в глаза параллель между типами социальных миров (градов) Болтански-Тевено и типов власти, выделенных в свое время А. Кожевным, согласно которому в истории политической философии можно выделить четыре теории власти, связанные с определенными типами политического авторитета:

- 1) теологическая (теократическая) концепция, в которой легитимность обеспечивается апелляцией к божественным (мифологическим) происхождением власти;
- 2) концепция Платона, в которой власть опирается на справедливость, а всякая иная держится насилием, т.е. в конечном счете нелегитимна;
- 3) концепция Аристотеля (к которой близка трактовка власти Конфуцием), согласно которой власть обосновывается мудростью, способностью к предвидению;
- 4) концепция Гегеля (по мнению А. Кожева — наиболее разработанная), в которой власть понимается как отношение между Господином (победителем, готовым рисковать жизнью ради власти) и Рабом (побежденным, предпочитающим смерти подчинение Господину).

Указанные концепции власти и типы авторитета А. Кожев связал соответственно с образами Отца, Судьи, Вождя и Господина и в 1942 году предложил на этой основе, пожалуй, наиболее детальную систематизацию видов власти, причем систематизацию, глубоко философски фундированную. [10] Исходя из внеприродного, социального и исторического характера любой власти, А. Кожев выдвинул необходимость связи феноменологии власти с фундаментальной структурой бытия. В силу того, что власть не просто эволюционирует (как явления природы), но при этом исторична, в качестве метафизической основы власти может рассматриваться время (табл. 2):

Таблица 2

Власть и время по А. Кожеву

<i>Время</i>	<i>Основания власти</i>	<i>Тип власти</i>
прошлое	священные традиции	отец
будущее	цели, идеология	вождь
настоящее	господство и эксплуатация	господин
вечное	абстрактные критерии	судья

Кроме того, такую типологию можно связать с общими представлениями о бытии, сущем и соответствующими универсалиями (табл. 3):

Таблица 3

Власть и универсалии бытия

<i>Представления о сущем</i>	<i>Универсалии</i>	<i>Тип власти</i>
целое мира	причина	отец
единое множественности	справедливость	судья
первозданная творящая воля	предвидение	вождь
противоречия, противоборства	риск	господин

Таблица 4

Чистые типы власти по А. Кожеву

Тип власти	Фактор легитимности	Основные разработки
отец (родители, старшие, традиции, мертвые, творец)	причина, порождение	теология, миф
господин (победитель, хозяин, офицер)	риск	Гегель
вождь (учитель, ученый)	предвидение, идея, программа	Аристотель
судья (арбитр, исповедник, честный человек)	справедливость	Платон

Таким образом, А. Кожевным была обоснована систематизация, включающая 64 возможных типа власти, в том числе 4 чистых типа:

- отец (О): власть родителей, старших, традиции, мертвых (завещание), творца над творением;

- судья (С): власть арбитра, исповедника, эксперта, честного человека;

- вождь (В): власть учителя, идеи, программы;

- господин (Г): власть победителя, офицера,...

12 комбинаций двух чистых типов (первым указывается доминирующий тип):

- ОВ, ОГ, ОС;

- ВО, ВГ, ВС;

- ГО, ГВ, ГС;

- СО, СВ, СГ;

24 комбинации трех типов:

- ОВГ, ОГС, ОВС, ВГС,
- ОГВ, ОСГ, ОСВ, ВСГ,
- ВОГ, ГОС, ВОС, ГВС,
- ГОВ, СОГ, СОВ, СВГ,
- ВГО, ГСО, ВСО, ГСВ,
- ГВО, СГО, СВО, СГВ;

И 48 комбинаций четырех типов, получаемых аналогичным образом.

Систематизация А. Кожева выглядит комбинаторической, как некая «алгебра власти». Однако она позволяет достаточно просто квалифицировать определенный политический режим с точки зрения характеристик реализуемого в нем типа властных отношений.

В объяснении традиционных типов власти такой типологии оказывается достаточно. Однако современное информационное общество выдвинуло еще один тип авторитета, основанный на публицитном капитале (*publicity* — известность и узнаваемость). Лица и группы, претендующие на власть в современном обществе, должны быть достаточно известными, легко распознаваемыми медийными персонажами. Недаром популярные артисты, спортсмены, шоумены в наши дни столь массово вышли на политическую арену. Более того, в информационном обществе с его широкой доступностью к огромным массивам информации, интенсивностью коммуникации традиционные типы авторитета испытывают серьезные репутационные риски, достаточно легко и быстро дискредитируются. В какой-то степени известность и узнаваемость были и остаются фактором, дополнительно подкрепляющим авторитет. Однако в современном информационном обществе этот вспомогательный фактор начинает теснить традиционные типы авторитета. И концепция Л. Болтански и Л. Тевено, вводящая отдельный социальный нормативный град репутации роль этого фактора учитывает.

Таким образом, получается следующее соответствие моделей А. Кожева и Л. Болтански с Л. Тевено:

- власть Отца связана с ценностно-нормативным комплексом патриархального мира;

- власть Господина вырастает из патриархальности в этосе иерархии силы, но в современном социуме это не просто сила физического подавления, но и сила экономических ресурсов, т.е. современная власть Господина воплощается в корпоративности государства [12];

- власть Вождя опирается на мир Вдохновения и Репутации;

- власть Судьи опирается на этос Гражданского мира.

Несомненно, такое сопоставление типов этосов и власти нуждается в большем уточнении и систематизации. Но уже из проведенного сопоставления очевидно, что современный социум представляет собой систему различных этосов со своими критериями оценки и ресурсами влияния, в том числе на формирование власти.

Тогда можно говорить о различных типах конфликтов — в зависимости от того, нормы каких градов приходят в столкновение; о конкретном рассмотрении возможностей и технологий их разрешения. А учитывая предложенную А. Кожевным «алгебру» власти, после ее уточнения и операционализации, мы получаем нетривиальный аппарат анализа современной политической реальности, включая компаративистику и возможности количественных методов.

Главное — такой подход расширяет горизонт анализа, выходя за пределы маргиналистской экономической социологии, рассматривающей политические отношения исключительно в рамках этоса рыночных отношений и соответствующего типа властных отношений.

Таким образом, на основе разработок А. Кожева, Л. Болтански и Л. Тевено, как представляется, вырисовывается подход, в котором позиционирование и реализация справедливости возможны только на основе убедительной презентации различных представлений о справедливости (как минимум основных пяти), критики и компромисса между ними. Справедливость применительно к конкретному обществу предстает конкретной гармонизацией этих представлений — в зависимости от особенностей исторического развития и расстановки сил в данном социуме. Выявление такой диспозиции и выступает главной задачей политического анализа справедливости. И такой анализ будет плодотворен только применительно к конкретному социуму на конкретном этапе его развития.

1. Альманах Центра исследований экономической культуры факультета свободных искусств и наук СПбГУ — 2013. М.; СПб. : Изд-во института Гайдара, 2013.
2. Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М. : НЛО, 2011.
3. Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости. М. : НЛО, 2013.
4. Брубейкер Р. Этничность без групп. М. : ИД ВШЭ, 2012.
5. Веселов Ю. В. Доверие и справедливость. Моральные основания современного экономического общества. М. : Аспект-Пресс, 2011.
6. Гельман В. Я. Наука без исследований: есть ли выход из тупика? // Троицкий вариант — Наука. 2014. № 6 (150).
7. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. М.: Новое изд-во, 2011.
8. Кашников Б. Н. Либеральные теории справедливости и политическая практика России. Великий Новгород : НГУ, 2004.
9. Кимлика У. Современная политическая философия: введение. М.: ВШЭ, 2010.
10. Кожев А. Понятие власти. М. : Праксис, 2007.
11. Коуз Р. Фирма, рынок и право. М. : Новое изд-во, 2007.
12. Крауч К. Постдемократия. М. : ВШЭ, 2010.
13. Кун Т. Структура научных революций. М. : АСТ, 2003.
14. Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки. М. : Академический проект, 2008.
15. Лакофф Д. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М. : Языки славянской культуры, 2004.
16. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М. : УРСС, 2004.
17. Льюис Р. Д. Деловые культуры в международном бизнесе. М. : Дело, 2001.
18. Майер Х. Карл Шмит, Лео Штраус и Понятие политического: о диалоге отсутствующих. М. : Скимень, 2012.
19. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. М. : Ин-т Гайдара, 2011.
20. Рикер П. Путь признания. М. : РОССПЭН, 2010.
21. Ролз Д. Теория справедливости. Новосибирск : Изд-во НГУ, 1995.
22. Тулмин Ст. Человеческое понимание. М. : Наука, 1984.

23. Тульчинский Г. Л. Политическая культура как вызов междисциплинарности: Россия на осях ценностно-нормативной модели социогенеза // Сети в публичной политике. Политическая наука: Ежегодник–2014 / Российская ассоциация политической науки; гл.ред. А. И. Соловьев. М. : Политическая энциклопедия, 2014. С. 248–264.

24. Тульчинский Г. Л. Политическая культура на осях ценностно-нормативной модели социогенеза // Философские науки. 2013. № 1. С. 24–38.

25. Тульчинский Г. Л. Политические культуры: проблема изучения и типологии // Международный журнал исследований культуры. № 1(14). 2014: Политические культуры: типологии и факторы развития. С. 5–20.

26. Тульчинский Г. Л. Революция менеджеров по-советски // Публичная политика–2013 : сб.статей /под ред. М. Б. Горного и А. Ю. Сунгурова. СПб. : Норма, 2014. С. 145–149.

27. Тульчинский Г. Л. Свобода и смысл. Новый сдвиг гуманитарной парадигмы. Lewiston-Queenston-Lampeter: The Edwin Mellen Press, 2001.

28. Тульчинский Г. Л. Факторы социогенеза: человеческое, слишком человеческое в политической культуре // Человек, культура, образование. 2011. № 2. С. 5–14.

29. Тульчинский Г. Л. Этапы политической институционализации: от идеи к институту // Политические институты в современном мире. СПб. : Аллегро, 2010. С. 358–360.

30. Фейерабенд П. Против метода : очерк анархистской теории познания. М. : АСТ, 2007.

31. Фукуяма Ф. Доверие: Социальные добродетели и путь к процветанию. М. : АСТ, 2004;

32. Харрисон Л., Хантингтон С. Культура имеет значение : Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. М. : Моск. шк. полит. исследований, 2002.

33. Холтон Дж. Тематический анализ науки. М. : Наука, 1981.

34. Шапиро Й. Бегство гуманитарных наук от реальности. М. : ИД ВШЭ, 2011.

35. Шек Х. Зависть. Теория социального поведения. М., 2010.

36. Шмитт К. Государство и политическая форма. М. : ВШЭ, 2010.

37. Galtung J. Essays in Methodology. Vol. I. Methodology and Ideology. Copenhagen, 1977. P. 41–71.

38. Hofstede G. Culture's Consequences. L. : SAGE Publications, 2001.

39. McCloskey D. Bourgeois Dignity. Why Economics Can't Explain the Modern World. Chicago : University of Chicago Press, 2010.